

Эндрю Глин

Несбалансированность глобальной экономики

Теперь мало кто сомневается в том, что растущая международная интеграция и либерализация последних десятилетий стали своего рода прологом к эпохе неурядиц и неопределенности в глобальной экономике. Рост и неустойчивость финансовых рынков, влияние их эксцессов на реальную экономику, разрушительные следствия резкого роста Китая, размер внешнего долга Америки и последствия усиления конкуренции на национальных рынках труда — все это свидетельствует о том, что нас ждут десятилетия нестабильности. Поэтому необходимо рассмотреть некоторые наиболее важные тенденции в мировой экономике сегодня и обозначить направления развития, на которые они могут указывать.

Начнем с Соединенных Штатов. Стоит напомнить, что еще в 1989 году Комиссия по промышленному производству Массачусетского технологического института, созданная для оценки угрозы, которую представляет для экономики Соединенных Штатов рост производительности в Европе и Японии, могла начать свой доклад с мрачного предостережения:

«Производительность — залог благосостояния нации. В последние годы многие наблюдатели отмечали, что ситуация с производительностью в американской промышленности оставляет желать лучшего. Если такие обвинения справедливы и тенденцию невозможно перебороть, то рано или поздно нам придется поплатиться за тот образ жизни, который мы ведем...»

Продукция, изготовленная в Соединенных Штатах, больше не считается самой качественной... Распространены представления о том, что американские фабрики неэффективны, рабочая сила посредственна, а менеджеры стремятся снимать пенки, а не преследовать долгосрочные цели».

Комиссия изучила ситуацию в восьми различных отраслях промышленности, включая автомобилестроение, компьютеры и бытовую электронику, и во всех них отмечалась серьезная конкуренция со стороны европейских и — чаще — японских компаний. Учитывая эйфорию, которая позднее возникла в связи с быстрым ростом «новой экономики» и гибких высокотехнологичных компаний, замечания Комиссии относительно этой отрасли кажутся поразительными: «Борьба велась между небольшими, занятыми производством одного единственного продукта, малоопытными и испытывающими нехватку финансовых средств новыми американскими компаниями и тяжеловесами японской промышленности. Давид не победил Голиафа».

Дефицит текущих счетов

Потребительский бум конца 1990-х годов поглотил множество потребительских товаров, особенно китайского производства, причем объем импорта в Соединенные Штаты в 1995-2000 годах вырос на 75%. В 2000 году на него 26% американского рынка промышленных товаров, включая 80% для кожи и обуви, 57% для одежды, 51% для компьютеров и электронного оборудования и 33% для автомобилей. В то же самое

время слишком высокая стоимость доллара и крах бума высоких технологий, который привел к увеличению экспорта компьютеров, оказали негативное влияние на американский экспорт, который в 2000-2003 годах лишился 20% своей доли на мировом рынке. Растущий дефицит текущих счетов отражал растущий дефицит в товарах. К 2004 году долги правительства Соединенных Штатов и американских фирм, находящихся за рубежом, превысили американские иностранные активы почти на 30% ВВП. И даже тогда Соединенные Штаты продолжали получать определенную прибыль на свои инвестиции за рубежом (следует помнить, что речь здесь идет о весьма прибыльных «прямых» инвестициях американских компаний своим дочерним компаниям, находящимся за рубежом). Хотя в 1980-х годах и особенно во время бума «новой экономики» произошел значительный приток прямых инвестиций в Соединенные Штаты, значительная часть этих средств инвестировалась в существующие активы и приносила меньшую прибыль, чем та, которую американские транснациональные корпорации получали на свои прямые инвестиции за рубежом в новые производственные мощности. Тем не менее, если дефицит текущих счетов будет расти, а внешние долги будут и дальше накапливаться, прибыль на инвестиции неизбежно упадет, что приведет к еще большему дефициту текущих счетов. Постоянный дефицит текущих счетов в 5% ВВП означает, что отношение внешнего долга выросло до 100% ВВП, тогда как основные темпы роста экономики составляют около 5% в номинальном выражении (то есть 3,5% на рост и 1,5% на инфляцию).

Таким образом, в будущем долг будет расти до тех пор, пока не произойдет переход от модели потребления и импорта к модели экспорта. Винн Гудли говорит, что необходима реальная девальвация на одну треть по сравнению с уровнем 2002 года для того, чтобы привести США к разумному балансу. По другим расчетам, номинальное падение курса доллара должно быть значительно больше «необходимого» реального изменения, так как некоторые конкурентные преимущества неизбежно будут утрачены вследствие ускорения инфляции в Соединенных Штатах и увеличения долларовой цены импорта. Но нам следует также учитывать долю инвестиций в основной капитал (инвестиции за вычетом амортизации), то есть в здания и оборудование американского бизнеса. В 2002 году дефицит текущих счетов, то есть средства, заимствованные за рубежом, соответствовал чистым производственным инвестициям. Сложилось такое положение, когда ограниченные американские сбережения были как бы поглощены дефицитом государственного бюджета и строительством, а все чистые производственные инвестиции в США финансировались за счет заимствования сбережений других стран, — положение, немыслимое для самой богатой страны в мире.

Соединенные Штаты брали огромные суммы в виде займов, но кто их предоставлял? В первом столбце Таблицы 1 показан средний дефицит текущих счетов, который в 2003 году превысил 5% ВВП. Первым возможным источником финансовых средств были зарубежные компании, вкладывавшие капитал в новые предприятия в Соединенных Штатах или в покупку американских компаний больше, чем сами американские компании. Однако в этой категории «прямых инвестиций» (приток минус отток), оставшейся относительно небольшой на всем протяжении 1980-1990-х годов, с 2003 года наблюдался чистый отток, поскольку американские компании вкладывали больше капитала за рубежом, чем зарубежные компании вкладывали в США (см. вторую строку из Таблицы 1). Вторым источником были отдельные иностранцы и зарубежные финансовые институты, которые покупали американские облигации или акции американских компаний или вкладывали деньги в американские банки. И вновь

проблема заключается в балансе между притоком и соответствующим оттоком средств американских граждан и финансовых институтов. На самом деле иностранный частный сектор в 1980-1990-х годах не играл значительной роли в финансировании дефицита текущих счетов Соединенных Штатов, но когда в 2000-2002 годах положение с дефицитом ухудшилось, возникла потребность в дополнительном финансировании (третья строка). Кажется удивительным, что крах американской фондовой биржи и завышенные ожидания, связанные с бумом «новой экономики», не помешали притоку значительных финансовых средств из частного сектора. Но с 2003 года особенно важным стал третий источник финансирования — приобретение иностранными правительствами американских казначейских обязательств. До 2003-2004 годов долларové авуары иностранных правительств были относительно незначительными, но затем азиатские правительства начали скупать доллары и продавать свою валюту (четвертая строка), чтобы не допустить повышения ее стоимости по отношению к доллару и снижения конкурентоспособности своего экспорта. В 2003-2004 годах краху американской валюты помешали только правительства стран Дальнего Востока, накопившие огромные долларové активы. К концу 2003 года долларové активы иностранных правительств составили 1474 триллиона долларов, что равняется 13% американского ВВП.

Таблица 1. Финансирование дефицита платежного баланса США

Процент от ВВП	1980-	1990-	2000-	2003-
	1989	1999	2002	2004
Текущие счета	-1,7	-1,5	-4,3	-5,6
Прямые инвестиции (чистые)	0,3	-0,1	0,4	-1
Остальной частный капитал (акции, облигации, банковские депозиты)	0,8	0,9	3,7	3,2
Долларové авуары иностранных правительств	0,4	0,7	0,6	3,2

* — означает дефицит или отток

В 2005 году Банк международных расчетов отметил шаткость положения доллара:

«растущий дефицит текущих счетов Соединенных Штатов — серьезная и долгосрочная проблема. В конечном итоге, она может привести к резкому падению доллара, соответствующей неразберихе на других финансовых рынках и даже экономическому спаду. Вполне возможно также возрождение протекционистского давления. Немыслимый дефицит, скорость, с которой растет внешний долг, все более серьезная опора на официальный сектор с целью дефицитного финансирования и тот факт, что американские заимствования идут главным образом на потребление, а не на инвестиции, — все это свидетельствует о возможных проблемах. Более того, принимая во внимание взаимозависимость современных финансовых рынков, велика вероятность того, что проблемы не ограничатся одним лишь долларом».

Взлет Китая

Вообще говоря, накопление капитала остается основной движущей силой экономики, несмотря на появление некоторой напряженности. Рост инвестиций — это обычно наиболее динамичная составляющая в росте совокупного спроса, особенно в мировом масштабе, когда экспорт одной страны означает импорт другой. Со стороны предложения рост основного капитала — это предпосылка для роста производства, а инвестиции симбиотически связаны с новыми технологиями, через которые они поступают в систему производства и которые делают их более выгодными. В Таблице 2 показано снижение нормы накопления в мировом масштабе с конца 1970-х годов. И сейчас накопление в индустриальных странах происходит медленнее, чем в мире в целом, а это означает, что в развивающихся странах оно происходит значительно

быстрее. Курсивом в таблице выделены показатели нормы накопления крупных стран, более чем на 1% превышающие средние мировые темпы роста. Снижение темпов роста основного капитала очевидно во всей Организации экономического сотрудничества и развития, поскольку эстафетная палочка «сверхнакопителя» перешла от Японии в 1960-х годах к Корею (и Тайваню) в 1970-1980-х, а затем к Китаю в 1990-х. В начале 2000-х годов рост основного капитала в Китае легко может составить 12% или более.

Таблица 2. Накопление капитала: темпы роста основных фондов (изменения в % за год)

	Мир	Индустриальные страны	США	Европа	Япония	Корея	Китай	Индия	Бразилия
1960-е	5	5	4	4,6	<i>12,5</i>	<i>8,9</i>	1,9	4,5	5,8
1970-е	5,1	4,2	3,8	3,8	<i>8,5</i>	<i>14,6</i>	<i>7,2</i>	4,1	<i>9,6</i>
1980-е	4	3,1	2,8	2,9	<i>6,1</i>	<i>11,2</i>	<i>8,4</i>	4,9	4,1
1990-е	4	3,3	3	2,8	4	<i>9,6</i>	<i>10,9</i>	6,2	2,2
2000-2004	-	-	1,8	2,4	3,2	-	-	-	-

Чем объяснить такой взлет Китая? Прежде всего, несмотря на рост государственной занятости на протяжении ранних этапов периода высокого роста в Китае, включая очень динамичный и важный производственный сектор, с середины 1990-х годов здесь начался резкий спад. «В результате выкупа руководством и рабочими государственных предприятий и превращения их в частные, банкротств и серьезных сокращений на предприятиях, принадлежащих государству, количество рабочих мест на производстве в государственном секторе сократилось почти на три четверти по сравнению с наиболее высокими показателями в прошлом». В последнее время накопление частного капитала в Китае преобладает над процессом роста.

Для быстрого роста основного капитала необходимо, чтобы значительная доля ВВП приходилась на инвестиции. Приведенные Мэддисоном официальные цифры свидетельствуют о том, что в 1978-1994 годах примерно треть китайского ВВП составляли инвестиции, что очень близко к показателям, достигнутым Японией и Кореей. На самом деле, если рассматривать инвестиции в оборудование, которые часто считают основным двигателем роста, то их доля составляла около 30%, что почти на 6% меньше, чем в Корее и Японии во время периодов максимального роста, и только на 3-4% больше, чем в лучшие годы во Франции и Германии. И даже если учитывать последующий резкий рост инвестиций в 2003-2004 годах, во вложениях в производство в Китае нет ничего необычного. Но следует помнить, что, в отличие от остальных стран Азии, Китай обладал значительно большей излишней рабочей силой.

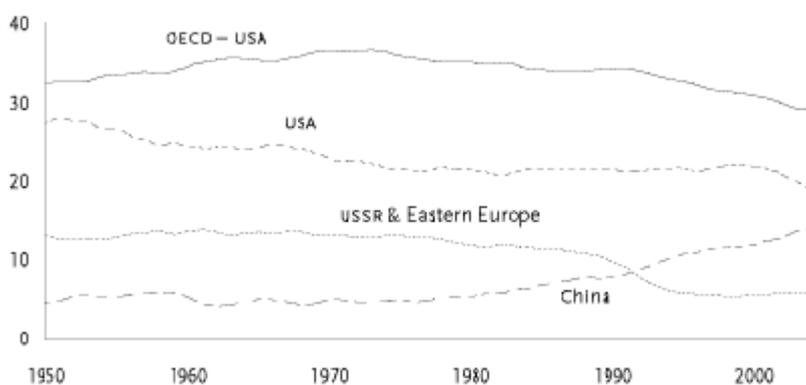
После некоторого снижения доходности в конце 1990-х годов прибыль китайской промышленности в денежном выражении выросла в 1999-2004 годах в пять раз, а в секторе распределения она росла еще быстрее. Традиционные расчеты нормы прибыли для акционеров показывают более высокую прибыль на капитал в 2004 году, чем в середине 1990-х годов. Финансируемые за счет внутренних инвестиций компании имеют значительно меньшую объявленную прибыль, чем принадлежащие иностранцам, причем наиболее прибыльными оказываются компании с собственниками в Гонконге, Макао и на Тайване (несмотря на стремление занижать прибыль с тем, чтобы платить меньше налогов). Компании, принадлежащие

иностранцам, экспортируют почти третью часть выпускаемой ими продукции, то есть в три раза больше, чем компании с китайскими собственниками.

По оценкам, общая численность работающих в Китае составляет около 750 миллионов человек, что почти в полтора раза больше, чем во всей ОЭСР, и почти в десять раз больше, чем в Японии и Корее. Почти половина китайской рабочей силы по-прежнему занята в сельском хозяйстве. Таким образом, имеется огромный запас рабочей силы, способный перетечь из менее развитых внутренних областей страны на рынки труда промышленно развитого побережья. По оценкам, число тех, кто может оставить приносящее небольшой доход сельское хозяйство и занять рабочие места в промышленности и сфере услуг, составляет от 150 до 300 миллионов человек. Уже сейчас многие заняты в неформальном секторе городской экономики, включая выходцев из сельской местности и работников, сокращенных с государственных предприятий. Они составляют дополнительную часть огромной китайской «резервной армии труда».

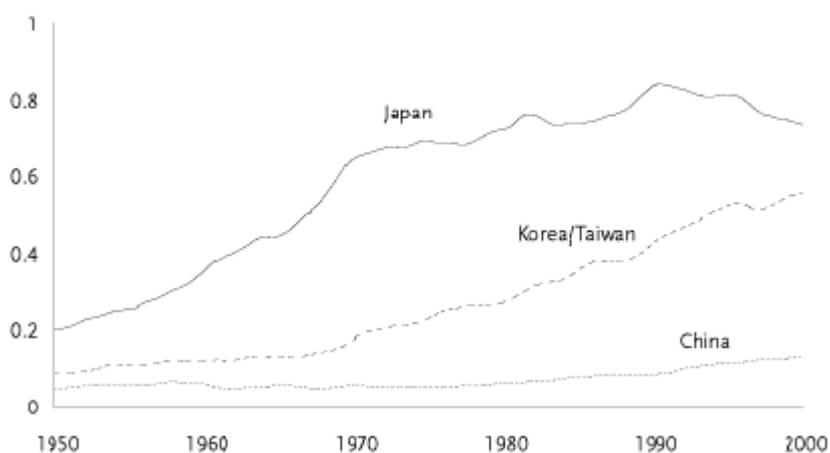
Очень быстрое накопление капитала привело к невероятному увеличению доли Китая в мировом ВВП — за четверть века она выросла почти втрое с 5 до 14%. Китай восполнил падение доли бывшего Советского Союза и Восточной Европы и постепенное снижение доли Европы и Японии. На Графике 1 показано, что при сохранении нынешних тенденций в течение следующего десятилетия Китай сможет бросить вызов США как самой большой экономики мира.

График 1: Доля в процентах от мирового производства

Пока превращение в крупнейшую экономику мира остается делом будущего, огромное население Китая означает, что доля ВВП на душу населения составляет в нем менее четверти американской. На Графике 2 показан рост Китая в долгосрочной перспективе азиатского подъема. Несмотря на удвоение за последние 20 лет показателей ВВП на душу населения, Китай по-прежнему серьезно отстает от США, как и Корея с Тайванем тремя десятилетиями ранее (быстрый рост в них начался именно в конце 1960-х годов); доля его ВВП по-прежнему значительно ниже уровня, с которого Япония начала свой рост в середине 1950-х годов.

График 2: Рост в Азии: ВВП на душу населения, США=1

Очевидно, что по численности населения Китай намного превосходит остальные быстроразвивающиеся страны Азии. И у Китая имеется огромный потенциал для дальнейшего роста. Конечно, Китай не обязательно продолжит развиваться по своей нынешней траектории. Тем не менее, если все останется так, как прежде, возникнут серьезные проблемы, связанные со значительными изменениями в структуре мировой торговли и производства.

Нынешнее и будущее развитие Китая способно помешать развитию всех остальных нынешних тенденций в мировой экономике. Например, Китай окажет большое влияние на сокращение неравенства в распределении дохода в мировом масштабе: реальные доходы большого числа китайцев заметно выросли. Несмотря на серьезный рост неравенства в самом Китае, улучшение уровня жизни многих миллионов людей оказало огромное влияние на сокращение разрыва в доходах в мировом масштабе.

Изменение доли в мировой торговле

Из Таблицы 3 видно, что за последнюю четверть века доля китайского промышленного экспорта в мировом экспорте выросла в десять раз. После 1990 года этот рост превысил в абсолютном выражении рост девяти остальных крупнейших экспортеров промышленных товаров с низкооплачиваемой рабочей силой вместе взятых. К несчастью для них, с 2000 года их совокупная доля экспорта упала, тогда как экспорт Китая стремительно вырос. Анализ влияния китайского экспорта на его азиатских конкурентов показывает, что страны, производящие потребительские товары и имеющие низкооплачиваемую рабочую силу, несли убытки, тогда как производители средств производства, например Корея, извлекали для себя огромную пользу от расширения рынка в Китае. Между 1980 и 2000 годами китайский экспорт в трудоемких секторах, наподобие производства одежды, товаров для путешествий, обуви и игрушек, обеспечивался во многом за счет Кореи, Тайваня и Сингапура. До трети китайских товаров производится на предприятиях, принадлежащих иностранцам, главным образом японцам, что ведет к импорту японского оборудования и комплектующих, необходимых для поддержания экспортного производства. И если в случае с Соединенными Штатами имело место активное сальдо торгового баланса, то в случае с Японией, Кореей и Тайванем наблюдался заметный дефицит. Хотя

принадлежащие иностранцам предприятия обеспечивают почти половину китайского экспорта, все большая часть их продукции продается на внутреннем рынке.

Таблица 3. Китайский экспорт

А. Процентная доля мирового экспорта промышленных товаров

	1980	1990	2000	2003
<i>Китай</i>	0,8	1,9	4,7	7,3
<i>9 других крупных стран с низкооплачиваемой рабочей силой</i>	6,8	10,5	16,1	15

Б. Доля китайского импорта в Северную Америку, Европу и Японию по секторам

	<i>Северная Америка</i>		<i>Европа</i>		<i>Япония</i>	
	1995	2003	1995	2003	1995	2003
<i>Все отрасли</i>	7,6	15,9	2,2	4,7	15,1	29,3
<i>Игрушки</i>	52,3	76,9	26	39,8	26,4	56,7
<i>Одежда</i>	14,9	16,9	7,9	12,2	56,6	80
<i>Оргтехника</i>	5,4	23,7	2,5	10	5,8	28

На Китай теперь приходится почти треть относительно небольшого (по сравнению с импортом в Европу и Северную Америку) промышленного импорта в Японию (Таблица 3Б, строка 1). Во всяком случае, за десятилетие доля Китая на рынке выросла более чем вдвое. Китай доминирует в импорте игрушек и имеет 40% импорта одежды из стран с низкооплачиваемой рабочей силой. Его доля в оргтехнике стремительно растет. В 2002 году Китай обогнал ЕС и Мексику в качестве крупнейшего экспортера компьютеров, бытовой электроники и прочих товаров в Соединенные Штаты, хотя во многом этот экспорт связан со сборкой высокотехнологичных комплектующих, произведенных за рубежом.

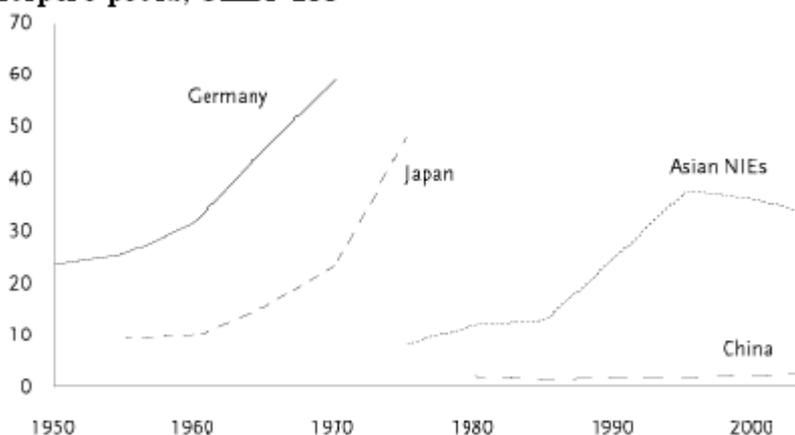
Рост китайского участия в мировой торговле впечатляет, но — по крайней мере пока — в нем нет ничего уникального. Рост накопления в Китае следовал японской, а затем корейской схеме, и точно так же развивается его экспорт. Китайский экспорт еще не достиг доли мировой торговли, которую имели в 1980-1990-х годах Япония и азиатские новые индустриальные экономики. Хотя рост доли японского экспорта был более размеренным и продолжительным процессом, чем у Китая, резкий подъем последнего начался вместе с ростом новых индустриальных экономик в 1980-х годах. Обострение конкуренции с Востоком оставалось неизменной тенденцией на протяжении последних 40 лет, так что рост китайского экспорта — это его самое последнее проявление, а не качественно новое явление.

Однако, как было отмечено ранее, размеры Китая и его нынешняя отсталость означают, что он обладает серьезным потенциалом для дальнейшего развития. Пара десятилетий китайского роста при сохранении нынешних показателей приведет к огромному росту китайского экспорта для покрытия растущих расходов на импорт продовольствия, материалов, топлива, полуфабрикатов, средств производства и даже потребительских товаров дорогих брендов. Быстрый рост китайского экспорта все сильнее влияет и на его конкурентов с низкооплачиваемой рабочей силой, и на производителей в богатых странах, поскольку его доля в мировой торговле растет. Так, в 1980-х годах доля Китая выросла почти вдвое и составила 1,5%; рост продолжился и в 1990-х годах, приблизившись к отметке в 3%. И если рост ВВП на душу населения в

Китае, который сейчас составляет 6% в год, сохранится, то в следующем десятилетии удвоение доли китайского экспорта, вероятно, будет необходимо для оплаты растущих расходов на импорт. В результате, доля китайского экспорта вырастет еще по крайней мере на 6%, а это уже больше, чем у азиатских тигров в 1980-х годах. К тому же, еще одно десятилетие роста ВВП на душу населения в Китае не приведет к исчерпанию возможностей дальнейшего быстрого роста, поскольку его производительность по-прежнему будет серьезно отставать от производительности богатых стран. Конечно, экономические кризисы вполне способны застопорить экономический рост, как это было, например, с Японией после сдувания «мыльного пузыря» или с Индонезией после азиатского кризиса. Но даже при наступлении длительного застоя Китай все равно сохранит серьезное влияние на структуру мировой торговли.

Дальнейший рост китайского экспорта, конечно, приведет к усилению конкуренции за рынки в странах ОЭСР, что станет серьезной проблемой для промышленности остальных южных стран, которые ведут борьбу за свою долю в них. На каком-то этапе цепочка начисления стоимости у Китая станет такой же, как и у Японии и азиатских новых индустриальных экономик; когда уровень заработной платы повысится, промышленность больше не сможет столь же действенно конкурировать с рынками с низкооплачиваемой рабочей силой. Исторический опыт свидетельствует о том, что на определенном этапе заработная плата начинает быстро расти. Однако в настоящее время заработная плата в Китае намного ниже, чем она была во время периодов бума в Японии и азиатских новых индустриальных экономиках, и пока не представляет угрозы положению Китая как производителя с низкооплачиваемой рабочей силой *par excellence* (см.: График 3).

График 3: Заработная плата в промышленности во время быстрого роста, США=100

В среднем темпы роста реальных доходов в городах в 1990-е годы составляли примерно 5% в год, но при этом также быстро росли расходы на образование и здравоохранение. Кроме того, в этих оценках не учитываются сельские мигранты, которые составляют значительную часть рабочей силы на заводах, работающих на экспорт. В провинции Гуандун, где расположены многие экспортные предприятия, средняя заработная плата составляет 80 долларов в месяц, а рабочее время может достигать 80 часов в неделю. Заработная плата в номинальном выражении почти не росла на протяжении десятилетия, а ее реальная ценность вследствие инфляции снизилась, несмотря на быстрый рост занятости, на 30%, а это значит, что

«процветание» города не коснулось рабочих. Мигрантам нужно пройти через сложные и дорогостоящие бюрократические процедуры, чтобы получить разрешение на работу в городах, и они часто сталкиваются с трудностями при переходе на другую работу. В Китае слишком жесткая трудовая дисциплина, особенно на корейских и тайваньских предприятиях, где иногда «рабочие даже ходят колоннами, обедают в общих столовых и спят в некоем подобии казарм».

Независимые профсоюзы запрещены, рабочих часто сажают в тюрьмы за организацию забастовок, а официальная Всекитайская федерация профсоюзов (ВФП) «десятилетиями поддерживает тесные отношения с руководством, а не с рабочими». Как объяснил глава провинциального отделения ВФП, профсоюз считает, что плохие условия «лучше, чем ничего»:

«Защита работников, условий труда и заработной платы зависят от уровня экономического развития страны. Конечно, нам хочется, чтобы работники были лучше защищены, но мы не можем себе этого позволить. Нам необходимы рабочие места. Нужно сделать так, чтобы у людей была еда».

Иностранные предприятия, расположенные в промышленных парках, обнаруживают, что «на заводах нет никаких профсоюзов... Профсоюзы не вмешиваются в действия руководства и не имеют никакого влияния в том, что касается установления заработной платы». Но, несмотря на это, вебсайты регулярно сообщают о довольно крупных забастовках и других активных действиях рабочих, включая споры по вопросу о невыплаченной заработной плате и компенсациях за переработку. Ограничений на миграцию в города становится все меньше, и уже сейчас идут разговоры о нехватке рабочей силы в прибрежных областях, «впервые дающей швеям некоторую рыночную власть. Владельцы предприятий не могут выгнать недовольных работников так же легко, как они могли раньше; “дикие” забастовки способны остановить производство на несколько дней или недель. Постепенно рабочие начинают выбивать уступки».

Если бум продолжится, а резервы рабочей силы сократятся, то на определенном этапе рыночные силы заставят отказаться от репрессивных мер, а заработная плата начнет расти и на экспортных заводах, как и в Японии и азиатских новых индустриальных экономиках. Более того, длительные успехи в экспорте приведут к росту юаня, что вызовет еще больший рост заработной платы в долларовом выражении и, следовательно, снижение конкурентоспособности. Рост издержек на заработную плату вынудит китайские фирмы перейти к производству и экспорту товаров, для которых нужна более квалифицированная рабочая сила. Это ослабит давление на остальных экспортеров с низкооплачиваемой рабочей силой, которые сейчас страдают от китайской конкуренции. Китай вступит в конкуренцию со странами Севера и азиатскими новыми индустриальными экономиками в производстве более сложных товаров.

Импорт товаров в Китай стремительно растет и теперь составляет около 5% мирового импорта сельскохозяйственных продуктов (продовольствие и сырье) и полезных ископаемых (металлы и топливо), включая 12% мирового импорта железа и стали. Несмотря на многочисленные статьи в прессе о нехватке стали и постоянно растущих потребностях Китая в нефти и другом сырье, импорт промышленных товаров в Китай в настоящее время превосходит в четыре раза импорт сельскохозяйственных продуктов и полезных ископаемых. Импорт высокотехнологичных комплектующих

(компьютеров, например) чрезвычайно важен для реэкспорта. Но все более существенным становится импорт средств производства для внутренних инвестиций и потребительских товаров для внутреннего потребления. Важно отметить, что Китай — это не только источник дешевого и потенциально опасного импорта, но и — во все большей степени — рынок для экспорта. Опять-таки, если нефтедобывающие страны Персидского залива или бразильские фермеры, выращивающие соевые бобы, получают более высокие доходы благодаря экспорту в Китай, они, в свою очередь, будут склонны приобретать больше импортируемых товаров. Таким образом, прямо и косвенно Китай оказывает все более значительное влияние на экономики стран ОЭСР.

Потоки капитала и валютный кризис

Следующим важным источником нарушения баланса был рост международных финансовых потоков, которому способствовал последовательный отказ всех стран ОЭСР от использования средств контроля над капиталом. В 1976 году пять из девятнадцати стран ОЭСР, включая США и Германию, были отнесены Международным валютным фондом к странам с открытыми рынками капитала. В 1980 году к ним присоединились Великобритания и Япония. К 1988 году только одна страна ОЭСР использовала средства контроля над капиталом, то есть ситуация коренным образом отличалась от той, что имела место в 1973 году, когда такими средствами контроля обладало более половины стран. В конце 1980-х годов и начале 1990-х все страны ОЭСР пережили либерализацию; последняя цитадель социал-демократии — Норвегия — пала в 1995 году.

В 2004 году мировая валютная торговля достигла 1900 миллиардов долларов в день, втрое превысив показатели 1989 года. Огромные двусторонние потоки средств создавали банки и другие институты для одновременного заимствования и предоставления займов за рубежом. По оценкам, общая ценность иностранных активов многих стран удвоилась в 1980-1995 годах с 36 до 71% ВВП. С 1977 по 2003 год транзакции в иностранных ценных бумагах у американских резидентов выросли по отношению к ВВП в 60 раз.

Теоретически такая деятельность позволяет достаточно эффективно разделить риски и прибыль между держателями финансовых активов. При оценке ее действительного воздействия нам необходимо рассматривать влияние на платежный баланс: до какой степени высокая мобильность капитала позволяет странам регулировать дефицит платежного баланса на текущих счетах и способствует или препятствует стабильности и росту? Помогают ли потоки капитала валютным курсам быстро достичь нужного уровня или же они ведут к пере- и недооценке валюты, которая имеет серьезные последствия для реальной экономики?

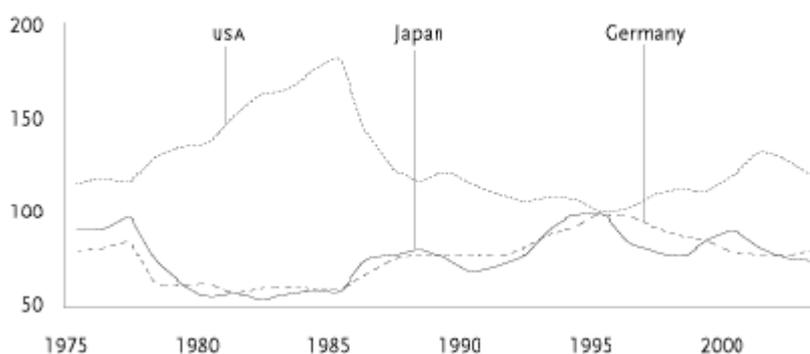
Во время Бреттон-Вудской эпохи искусственно поддерживаемых валютных курсов, когда «серьезное нарушение баланса» могло произойти только в результате девальвации, текущий платежный баланс в целом считался ограничением, которое должно было учитываться во внутренней политике. Дефицит платежного баланса не был слишком большим. Но с начала 1980-х и особенно в 1990-х годах средний размер активного и пассивного сальдо торгового баланса заметно вырос в отношении к ВВП. В более бедных странах, большой дефицит в которых вызван заимствованиями с целью вложения в производство, особенно если речь идет о странах, богатых природными ресурсами, последствия такого дефицита явно будут благоприятными. Но чаще

дефицит связан с потребительским бумом. И если в конце 1990-х годов можно было говорить о связи роста американского дефицита с инвестициями, то в 2004 году, когда дефицит платежного баланса достиг 5% ВВП, речь идет о простом финансировании потребления и военных расходов.

Считается, что полная мобильность капитала позволяет сгладить при помощи валютных курсов тенденции, влияющие на конкурентоспособность экспорта (например, рост заработной платы, когда она становится выше, чем у конкурентов). Это означает, что реальный валютный курс — номинальный курс, откорректированный с учетом цен или систематического роста издержек на рабочую силу, — будет поддерживаться или хотя бы постепенно регулироваться в ответ на долгосрочные изменения в конкурентоспособности. И здесь существующая картина противоречила теории свободного рынка. В среднем реальный валютный курс стран ОЭСР в 1960-х годах менялся примерно на 3% в год, а затем — с приходом Бреттон-Вудской системы в упадок в 1970-х годах — и на 6% в год. Колебания реального валютного курса несколько ослабли после 1970-х годов, а в 1990-х годах такие годовичные колебания были вдвое слабее, чем в 1960-х. Будь они просто случайными колебаниями при благоприятных тенденциях, они вполне могли бы быть поглощены реальной экономикой и без непомерных затрат, а опыт участников финансовых рынков позволял застраховаться от колебаний номинальных валютных курсов. Но наложение таких годовичных колебаний на долгосрочные колебания реальных валютных курсов могло оказать на структуру экономики и конкурентоспособность работающих экспортных секторов деформирующее влияние.

На Графике 4, отражающем развитие трех основных валют (доллара, иены и дейчмарки/евро), показана реальная ревальвация доллара на 70% в первой половине 1980-х годов, за которой последовали сначала резкое падение, а затем — после 1995 года — резкий взлет. Евро и иена также привели к серьезным переменам в реальной конкурентоспособности. Такие колебания реального валютного курса могут быть крайне вредными для производительности экономики в среднесрочной перспективе из-за изменений (компании уходят с экспортных рынков; происходит сокращение рабочих мест), которые не так просто обратить в случае возвращения реального валютного курса к нормальному состоянию. Внимательное рассмотрение американской промышленности показывает, что рост стоимости доллара привел к сокращению числа рабочих мест, но при падении доллара создания новых рабочих мест не произошло. Авторы также отмечают негативное влияние резкого роста курса валюты на сокращение рабочих мест: «Рабочим проще найти подходящую работу, когда сокращение рабочих мест происходит постепенно и диффузно, чем тогда, когда внешнее потрясение [например, повышение стоимости доллара] ведет к резкому сокращению рабочих мест и, следовательно, появлению множества уволенных работников, которые занимаются поиском рабочих мест одновременно».

График 4: Реальные валютные курсы 1975-2004 (по индексу стоимости единицы выпущенной продукции)

Патологический случай колебания валютных курсов, глубокий «валютный кризис», условно определяется как время, когда сочетание изменений валютных курсов и валютных резервов превышает пороговый уровень. В недавнем исследовании пяти стран ОЭСР (четыре скандинавские страны и Испания) был сделан вывод о том, что каждая из рассмотренных стран пережила по крайней мере четыре валютных кризиса после 1970 года. Как и серьезный дефицит бюджета, дефицит платежного баланса или «финансовые эксцессы» — это кризисы, вызванные неожиданными потрясениями на международных рынках капитала и спекулятивными атаками: «кризисы бывают и в экономиках с безупречными основами». Число кризисов, в которых определяющую роль играла валютная составляющая, заметно выросло после введения в 1973 году плавающих курсов. По приблизительным расчетам Эйхенгрин, введение контроля над капиталом, направленного на предотвращение валютных кризисов, позволяет прибавить 100 миллиардов долларов в год к росту мирового ВВП. Однако, по его оценкам, издержки, связанные сокращением финансового посредничества, будут на 50% больше выгоды. Кажется маловероятным, что контроль, сосредоточенный на краткосрочных финансовых потоках, способен оказать такое неблагоприятное влияние на финансовую систему и, следовательно, на экономический рост. Но важно, что можно просчитать, кто пострадает, а кто получит выгоду от финансовой либерализации. По оценкам Всемирного банка, в результате азиатского кризиса 1997 года число бедняков в регионе выросло на 22 миллиона человек.

Финансовая нестабильность и торговля

Помимо валютных кризисов, в последние десятилетия вновь начали происходить кризисы, связанные с банковской системой и почти прекратившиеся в 1950-1960-х годах. В результате обширного исторического исследования было установлено, что после 1987 года банковские кризисы стали столь же частыми, как и в межвоенный период. В Скандинавии, например, они вызвали спад производства, оцениваемый в 7% ВВП, а там, где они сочетались с валютным кризисом, спад составил около 16% ВВП.

Банк международных расчетов в Базеле, отвечающий за поддержание стабильности финансовой системы, отмечал в своем годовом докладе, что «глобальной финансовой системе, по-видимому, придется пережить различные финансовые потрясения». В недавнем докладе Банка указана «общая структурная нить», связующая все большее число финансовых кризисов:

«Все более частому принятию риска представителями частного сектора на финансовых рынках способствует дерегулирование финансового рынка и технологические изменения. Либерализованные финансовые системы, по-видимому, более подвержены периодическим финансовым кризисам, чем контролируемые финансовые системы».

Возросшая конкуренция, говорится в докладе, может привести к «обострению дилеммы. Финансовым институтам становится труднее поддерживать норму прибыли, когда акционеры требуют ее повышения». И, наконец, «современная финансовая система, по-видимому, страдает от множества различных проблем: сбои в работе, банкротства институтов, переменчивость рынка, неверные среднесрочные меры и распространение этих проблем на все страны и рынки».

Отличительной особенностью процесса глобализации последних десятилетий, понимаемой как международная экономическая интеграция, является рост мирового экспорта относительно мирового производства. На деле отношение экспорта к мировому ВВП удвоилось с 1960 года почти на 25%, причем во второй половине периода темпы роста были более медленными вследствие более высоких цен на нефть. Во многом рост отражает увеличение доли экспорта в Европе и США; хотя в обоих случаях отношение экспорта к ВВП в 1913 году было превышено только в конце 1960-х годов. Однако Япония, в отличие от Китая, обнаруживает необычайную стабильность в торговле с конца 1950-х годов, если не учитывать влияние колебаний цены на нефть.

Влияние международной конкуренции в национальных экономиках лучше всего видно в степени проникновения импорта на внутренний рынок для промышленных товаров, которое показано в Таблице 4.

Таблица 4. Проникновение импорта на внутренние рынки для промышленных товаров 1913-2001 гг. (импорт в % от явного потребления)

	1913	1950	1974	1991	2001	С «Юга» 2001
США	3	2	6	14	21	10
Япония	34	3	5	7	12	7
Европа	13	6	17	28	39	8

Данные для Европы — это среднеарифметическое для Великобритании, Франции, Германии и Италии.

Проникновение импорта на внутренние рынки развитых стран становится все более ощутимым: после 1974 года доля импорта на европейском рынке выросла вдвое, а на американском — втрое. Хотя традиционно конкуренцию здесь составляли другие страны ОЭСР, за последние годы импорт с Юга стремительно вырос и теперь на него приходится 10% внутреннего рынка Соединенных Штатов, причем далеко не последнюю роль здесь играет Китай.

Распространенное представление об усилении международной интеграции вследствие развития торговли, конечно же, связано с этим растущим проникновением импорта на внутренние рынки товаров обрабатывающей промышленности. Но в настоящее время в странах ОЭСР на производстве занято около 18% трудоспособного населения (от 15% в США до 24% в Германии), что на треть меньше, чем в 1974 году. Способствует ли

торговая интеграция обострению конкуренции в этом относительно небольшом, но весьма заметном секторе экономики?

На самом деле значение производства часто недооценивают вследствие его доли в занятости, поскольку другие сектора служат важными поставщиками сырья для производства товаров. И от международной конкуренции страдают сельское хозяйство, добывающая промышленность, энергетика, строительство, транспорт и финансовые и деловые услуги. Поэтому производственный сектор заинтересован по крайней мере в сохранении своей доли на внутренних и мировых рынках. Если принять во внимание услуги, оказываемые производственному сектору, и важность сельскохозяйственной продукции и полезных ископаемых, широко продаваемых во всем мире, то окажется, что около 30% британской экономики, например, прямо или косвенно участвует в производстве продаваемых во всем мире товаров.

И так же продаются некоторые услуги. В конце 1990-х годов экспорт коммерческих услуг составлял около 20% от общего экспорта для мира в целом и для стран с высокими доходами. Но они сосредоточены в очень узко специализированной области (международный транспорт, международные финансы, консультационные услуги, центры обработки звонков и так далее); к тому же, импорт не оказывает практически никакого влияния на сектор значимых для общества услуг (распределение, образование и здравоохранение).

Не существует простого способа оценки степени интернационализации сферы услуг; но велика вероятность того, что международная торговая конкуренция слабо влияет на занятость в большинстве стран ОЭСР. Помимо сельского хозяйства, горнодобывающей и обрабатывающей промышленности, лишь небольшая доля работников прямо или косвенно участвует в международной конкуренции, оказывая услуги сектору торговли. На оптовую и розничную торговлю, строительство, коммунальное обслуживание и личные и социальные услуги приходится около 60% занятости в ОЭСР (для США этот показатель намного больше). Эти сектора в значительной степени изолированы от международной торговой конкуренции. По оценкам, вывоз обслуживания за рубеж — например, центров обработки звонков или делопроизводства — имеет очень ограниченные последствия для занятости; в одном из отчетов говорится, что такой вывоз рабочих мест за рубеж касается только 1% занятости в США. За два последних десятилетия вывоз за рубеж вычислительных и деловых услуг вырос в четыре раза, но на них по-прежнему приходится всего 0,4% ВВП. И США, и Великобритания, широко практикующие вывоз рабочих мест за рубеж, имеют в этих услугах значительное активное сальдо торгового баланса, а Япония и Германия — незначительный дефицит.

Влияние интернационализации посредством торговли было сложным. Для одних секторов экономики, включая обрабатывающую промышленность и поставщиков сырья для нее, а также некоторые специализированные анклавные сектора услуг, международная интеграция на этом фронте заметно усилилась, и она продолжится в случае сохранения быстрого роста в Китае. Между тем, значительные сегменты экономики, в том числе и растущие, — социальное обеспечение, коммунальные услуги и розничная торговля — остаются весьма изолированными от международной торговли.

Последствия этой интернационализации для рабочей силы Севера также не были одинаковыми: благодаря импорту из стран с низкооплачиваемой рабочей силой уровень

жизни вырос, но при этом произошло существенное сокращение числа рабочих мест. На самом деле даже сбалансированная торговля между Севером и Югом ведет к значительному сокращению числа рабочих мест на Севере. В результате недавно проведенного всестороннего исследования выяснилось, что на каждое рабочее место на производстве, требующем высокой квалификации, созданном благодаря росту экспорта на Юг, приходится 6 рабочих мест, сокращенных вследствие промышленного импорта с Юга, не требующего высокой квалификации. Такое неравенство отражает потенциальную «выгоду от торговли». Уточнение «потенциальную» очень важно, потому что получение этой выгоды зависит от предоставления сокращенным работникам новых рабочих мест. Исследование занятости в американском производстве в 1980-1990-х годах установило, что треть всех сокращенных рабочих мест приходилась на отрасли, наиболее уязвимые для иностранной конкуренции, включая производство игрушек, одежды и электроники. Почти 40% занятых в этих отраслях лишились работы, а у половины оставшихся заработная плата сократилась на 15% и более. За десять лет — с 1992 по 2002 год — 25% всех сокращений в промышленности ЕС и почти 50% в США были вызваны торговлей с Югом. Такое сокращение рабочих мест может иметь пагубные последствия, поскольку занятость в промышленности, как правило, географически сконцентрирована. Поэтому в тех областях, где основными работодателями являются промышленные предприятия, трудоустройство этих уволенных рабочих становится особенно трудной задачей.

Прямые иностранные инвестиции

Еще одной важной особенностью экономической интеграции последних трех десятилетий, особенно второй половины 1990-х годов, был быстрый рост прямых иностранных инвестиций. В Таблице 5 показано, что при сохранении нынешних тенденций около 13% основного капитала в развитых и развивающихся странах будут принадлежать иностранцам. Эта доля прямых иностранных инвестиций превзойдет предыдущий исторический пик, который наблюдался в 1914 году. Среди развитых экономик прямые иностранные инвестиции имеют особенно высокие показатели в Европе, причем большая часть этих инвестиций приходится на ЕС. В случае с застойной японской экономикой дело обстоит несколько иначе: Япония привлекает очень немного прямых иностранных инвестиций, а японские предприятия осуществляют довольно скромные инвестиции за рубежом. Прямые иностранные инвестиции, привлекаемые американской экономикой, намного превышают инвестиции американских транснациональных корпораций за рубежом.

Таблица 5. Прямые иностранные инвестиции, 1991-2003 гг. (% общих инвестиций)

	Мир		Развитые страны		США	ЕС	Япония	Развивающиеся страны		Китай
	1992-1997	1998-2003					1998-2003			
«Входящие»	5,2	12,7	12,6	9,1	23,5	0,7	12,5		11,6	
«Исходящие»	5,5	12	14,8	7,7	30,1	2,7	3,7		0,7	

Хотя китайские показатели для «входящих» инвестиций не выглядят исключительными, огромная доля валовых инвестиций в китайском ВВП, приблизившаяся к 50% в 2004 году, означает, что приток прямых иностранных инвестиций был очень велик по отношению к ВВП. Значительные иностранные инвестиции в Китай поступают от китайских капиталистов, проживающих в других

развивающихся странах Азии. По сообщениям прессы, значительный приток средств в Китай на самом деле исходил из самой КНР и принимал вид прямых иностранных инвестиций с целью получения налоговых льгот. Кроме того, западные транснациональные корпорации осуществили значительные инвестиции в отрасли наподобие электроники и автомобильной промышленности. Китайские компании также начали осуществлять инвестиции за рубежом, занимаясь поиском поставщиков энергоресурсов и другого сырья или торговых марок. И хотя на самом деле речь шла о реинвестировании незначительной части притока прямых иностранных инвестиций, это все равно вызвало фурор: вспомним попытку приобретения китайцами сравнительно небольшой американской нефтяной компании UNOCAL.

В 1990-х годах около половины «исходящих» прямых иностранных инвестиций шло в сектор услуг. Инвестиции, конечно, могут осуществляться в некоторые сегменты сектора обслуживания, например в розничную торговлю или рестораны, которые невосприимчивы к прямой конкуренции со стороны импорта, как тогда, когда McDonalds или Walmart приходят в новую страну. Более половины притока иностранных инвестиций в страны ОЭСР связано со слияниями и поглощениями, а не с компаниями, создающими с нуля новые заводы или офисы. Но это по-прежнему может служить отражением обострения конкуренции за другие внутренние фирмы. Прямые иностранные инвестиции позволяют лучше оценить степень изоляции значительных сегментов сектора услуг в зоне ОЭСР от международной конкуренции. Возможно, наиболее важным аспектом прямых иностранных инвестиций является повышение мобильности компаний в богатых странах, поскольку такая мобильность позволяет ослабить позиции рабочих при обсуждении вопросов занятости и заработной платы.

Рынок труда — это, безусловно, наименее интегрированный из всех глобальных рынков. В Соединенных Штатах, несмотря на значительный рост в 1980-х годах, показатели иммиграции в 1990-х годах по-прежнему составляли только треть от показателей 1900-1910-х годов. По некоторым оценкам, за последние 30 лет доля людей, проживающих в странах, где они не были рождены, выросла с немногим более 2% до немногим менее 3% и почти на 10% в Европе и Соединенных Штатах. Рост числа потенциальных иммигрантов в наиболее развитых странах сопровождался усилением контроля и принятием мер, ограничивающих приток неквалифицированных мигрантов. В странах, где безработица ныне относительно невелика, иммиграция квалифицированных и неквалифицированных работников привлекательна для предпринимателей, стремящихся не допустить повышения заработной платы.

Мировая неопределенность

Дерегулирование выпустило наружу джина финансовой конкуренции и экспансии. Хотя сильнее всего негативные последствия отсутствия контроля над потоками капитала ощутили на себе азиатские страны, которые пострадали от кризиса 1998 года, было бы ошибкой считать, что более совершенные финансовые рынки в странах ОЭСР смогут избежать подобных трудностей. Реальные экономики Соединенных Штатов и Японии страдают от финансовых эксцессов, а беспрестанный поиск прибыльных ниш может причинить огромный вред всей системе. Попытки извлечь выгоду от либерализации, ограничив при этом возможные риски, сталкиваются со значительными трудностями, поэтому вероятность крупного глобального финансового кризиса, конечно, растет.

До 1980-х годов развивающиеся страны были нужны богатым странам только как поставщики товаров, прежде всего нефти. Никогда прежде Юг не играл такой важной роли в мировой экономике. Развивающиеся страны Юга никогда не были серьезными конкурентами для промышленно развитых стран Севера. Однако эти страны теперь решительно выходят на новый этап развития мировой экономики. С середины 1990-х годов большая часть мирового ВВП производится вне ОЭСР, а доля стран, входящих в нее, неуклонно сокращается — они перестают быть центром накопления капитала и движущей силой системы. И Север столкнется с множеством весьма противоречивых последствий.

Прежде всего, быстрый рост в остальном мире вызывает большой спрос на экспорт тех товаров, в производстве которых страны ОЭСР по-прежнему остаются лидерами. Это, в свою очередь, способствует накоплению капитала в этих отраслях и помогает поддерживать рост совокупного спроса. Чтобы сохранить такое преимущество перед лицом растущей конкуренции с Югом в производстве все более сложной продукции, валюты основных стран должны обесцениться. Это приведет к снижению реального дохода в странах ОЭСР, поскольку они больше не будут импортировать дешевые потребительские товары.

Избыток рабочей силы в Китае и других развивающихся странах означает, что, несмотря на постепенное повышение уровня образования рабочей силы, заработная плата на Юге по-прежнему будет оставаться сравнительно низкой. Доступ к этому дешевому труду может способствовать увеличению прямых иностранных инвестиций с Севера, что вызовет отток инвестиций от основной зоны. В мировом масштабе соотношение труда и капитала снизится на треть или более по мере включения обширных резервов рабочей силы в этих странах в глобальную экономику. В результате может произойти значительное сокращение доли заработной платы в странах ОЭСР, поскольку рыночная власть рабочих ослабнет. Но заработная плата играет двоякую роль в капитализме, и не следует забывать, что именно она служит источником массового потребительского спроса. В условиях оттока инвестиций с Севера и притока на Юг поддержание оживленного спроса на Севере будет зависеть от роста потребительского кредитования или увеличения государственных расходов. Такая модель кажется нестабильной с экономической точки зрения и весьма опасной с политической. Хотя в появлении новых источников предложения нет ничего нового, поскольку Китай и Индия во многом шли по пути Японии и затем азиатских новых индустриальных стран, отличительная особенность сегодняшней ситуации состоит в том, что многочисленное население этих стран обладает потенциалом для еще быстрого и, следовательно, еще более подрывного догоняющего развития.

Китай сам по себе может быть серьезным источником нестабильности. Его кредитная система известна своей неустойчивостью, что увеличивает возможность финансового кризиса и спада, который может оказать серьезное воздействие на Север. Рабочие могут потребовать серьезного увеличения заработной платы, и сдерживание конфликтов в промышленности окажется очень трудной задачей. Потребности Китая в энергоносителях и сырье могут заметно ускорить рост цен на них, поскольку рынки попытаются предугадать долгосрочные тенденции. Серьезный спад в Китае может наступить также в результате кредитного краха и перенакопления. В случае сокращения дефицита платежного баланса заметное замедление роста в Соединенных Штатах станет неизбежным, а без повышения налогов состояние бюджета только ухудшится.

Один из парадоксов недавнего прошлого заключается в том, что, несмотря на нестабильность финансовой системы и разрушения, причиненные переменами в мировой торговле, на протяжении прошлого десятилетия экономика богатых стран испытывала куда меньшие колебания в производстве, чем в течение любого другого сопоставимого периода. На самом деле нынешняя несбалансированность все еще может быть ослаблена при помощи «мягкой посадки» и с относительно небольшими потерями. Но если наступит кризис доллара или какое-то другое событие, которое обнажит глобальную финансовую неустойчивость, а рост Китая не прекратится, будущее капиталистической системы Севера будет выглядеть весьма туманно.

Перевод с английского Артема Смирнова

Печатается по: Andrew Glyn, 'Imbalances of the Global Economy,' New Left Review, 34, July-August 2005, pp. 5-37.